

Памятники культуры и культурные ценности в российском и советском законодательстве: понятие, социально-политическая сущность, содержание

Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Прослеживается изменение отношения государства (Руси, Российской империи, советской и постсоветской России) к охране и эксплуатации исторических и культурных памятников в XV — XX вв. **Исследуется соотношение различных функций объектов, имеющих историческую или культурную ценность, в разные эпохи.** Рассматриваются памятникный и ценностный подходы к определению объекта эксплуатации и государственной охраны. Приведен сравнительный анализ разработанных отечественными искусствоведами и юристами классификаций и типологий памятников.

Ключевые слова: памятники культуры; памятники истории; культурные ценности; государственная охрана культурного наследия; памятникный подход; ценностный подход.

Первое документальное упоминание об интересе государства к древностям и проблемам их сохранения датируется в Европе XV в., в России — XVII в. (первый нормативно-правовой акт в этой сфере был принят в 1681 г.). В XVIII — XIX вв. в нашей стране не было отдельного института, регулирующего охрану культурного наследия, а сами памятники, как правило, принадлежали частным лицам или организациям, причем одним из основных собственников, «держателей» древностей и исторических ценностей до 1917 г. оставалась православная церковь (см.: [1, с. 5]).

Владельцы памятников истории и культуры, как правило, не проявляли заинтересованности ни в эксплуатации государством их собственности, ни даже в государственной опеке над ней. Первые нормативные акты создавали правовые основания и устанавливали регламент государственного контроля над эксплуатацией или охраной лишь одного или нескольких объектов, имеющих историческую или культурную ценность.

Именно такие функции выполняли указы Федора Алексеевича «Об описи дел в приказах и о подаче государю описных книг и счетных списков» от 9 ноября 1680 г., Петра I — «О сдаче старинных редкостей комендантам» от 13 февраля 1718 г. и «О каменном и деревянном строении в Москве» от 19 января 1722 г., Сената — «О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот» от 20 декабря 1720 г., «О немедленном доставлении в Петербург к светлейшему князю А. Д. Меншикову для пробы раковин и камешков, какие в каких реках явятся» от 21 декабря 1716 г., «О покупке в Сибири куриозных вещей и о присылке оных в Берг- и Мануфактур-коллегию» от 16 февраля 1721 г. и др.

Объектами охраны в этих нормативных актах названы «предметы старины» и «старинные редкости»; применялись и такие определения, как «старый», «необыкновенный», «куриозный», «оригинальный» [2]. Эти эпитеты определяли объекты охраны в нормативных актах периодов царствования Анны Иоанновны

и Екатерины II [2, с. 530—531]. В первой половине XVIII в. законодатели начали использовать и другие определения: «исторические документы» и «исторически ценные изделия», а также «древние строения» (в качестве синонимов «памятников архитектуры») и «древние русские рукописи». В начале XIX в. за памятниками культурного наследия закрепился эпитет «древний» («древние редкости», «памятники древности»), наряду с ним иногда употреблялся термин «достопамятства» [2, с. 532].

Анализ содержания документов XVII — XIX вв. показывает, что в качестве объектов охраны выступали разнопорядковые предметы, обладавшие научной, исторической, реже — художественной значимостью для общества и государства. Выдающийся советский историк-краевед И. А. Кирьянов на основе критерия подлинности выделил два вида памятников — «памятник-подлинник» и «памятник-символ», или «памятник-знак», — принципиально различающиеся, по его мнению, тем, что первый есть результат исторического действия, его разрушение ведет к утрате реальных следов исторического события, тогда как второй обычно возводится в память о событии уже после того, как оно свершилось, и может быть изменен, перенесен на другое место и т. д. [3]. В рассматриваемый исторический период интерес, с точки зрения государственной охраны, вызывали почти исключительно памятники-подлинники, а памятники-символы находились вне поля зрения органов государственной власти. Попытки расширить категорию «памятники» предпринимались, главным образом путем введения в объем понятия церковных реликвий (прежде всего культовой живописи — фресок и икон), однако в законодательной практике термин «памятники» до начала XX в. имел узкое толкование (см.: [4]). В нормативно-правовых актах в качестве

его синонимов использовались понятия «древности», «памятники древности», «исторические памятники», но ни один из них не имел четкого кодифицированного определения. Соответственно, по сути не было и никакой системной классификации объектов эксплуатации и государственной охраны. В советский период сохранению и правовой охране историко-культурного достояния стали уделять пристальное внимание, особенно во второй половине XX в. Именно тогда сформировались два основных подхода к определению их объекта: памятникный и ценностный.

Памятникный подход. Основным документом, регламентирующим государственную охрану историко-культурного достояния и соответствующую сферу общественных отношений, стал Закон СССР от 29 октября 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [5]. Согласно ему, в качестве объекта государственной охраны выступали «памятники истории и культуры», к которым законодатель относил «сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» [5, ст. 1].

Однако содержание понятия «памятники истории и культуры» этим перечнем не исчерпывалось: закон 1976 г. оговаривал, что к таковым могут быть отнесены и другие объекты, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.

Декларативной целью деятельности органов государственной власти в отношении культурного наследия в этот период выступали охрана и использование памятников «в целях обеспечения их сохранности для нынешнего и будущих

поколений, эффективного использования для научного изучения и пропаганды памятников в интересах коммунистического воспитания трудящихся» [5, ст. 2]. Обращает на себя внимание то, что нормативный документ зафиксировал приоритет *идеологических и пропагандистских целей* в советской политике культурного наследия.

Наряду с термином «памятники истории и культуры» в законодательстве РСФСР и подзаконных актах советского союзного законодательства фигурировал и другой: «культурные ценности». В качестве таковых, согласно ст. 142 ГК РСФСР, выступало «имущество, имеющее значительную историческую, художественную или иную ценность для общества» [6]. Из этого следует, что в политике наследия памятниковый подход превалировал над ценностным. Имущественная (и материальная) сторона в содержании наследия была менее значимой для государства, чем идеологическая.

Отечественные ученые выработали несколько различных подходов к понятию «памятник истории и культуры». Каждый из них в большей или меньшей степени отвечал особенностям проводимой политики, тенденциям развития теории и практики эксплуатации и охраны памятников. В большинстве определений понятия «памятник культуры» перечислялись атрибутивные признаки памятников, их основные типы и виды. Одна часть памятников причислялась к категории «народное достояние», некоторая другая подлежала охране государством как относящаяся к категории «мировое культурное наследие».

В числе подходов к определению памятников истории и культуры выделяется упомянутая ранее методика И. А. Кирьянова, предложившего различать среди них «подлинники» и «символы» («знаки»). Такая классификация вполне методологически продуктивна. В частности,

и памятник-знак, и памятник-подлинник могут быть использованы в качестве источников или ресурсов власти, однако по-разному. Вместе с тем в данной классификации основанием для разделения памятников на две группы служит не сам факт подлинности, поскольку и памятнику-знаку нельзя отказать в наличии этого признака (не фальсифицированности), а их различное происхождение (природа) и назначение. Действительно, как отмечает современный исследователь О. В. Галкова, памятник-подлинник «зарождается и существует некоторое время как любой другой предмет утилитарного назначения. Но в ходе исторического развития этот предмет обретает дополнительное символическое значение, открывается его вторичный семиотический пласт» [7, с. 183]. Так, храм создается в качестве культового сооружения, но, став последним пристанищем выдающегося писателя, превращается в символ его жизни и связанный с его творчеством объект поклонения. В дальнейшем там может быть воздвигнут посвященный ему мемориал, который станет не менее подлинным, чем сам храм, однако будет изначально наделен символическим смыслом.

Смысл противопоставления природы и функций двух различных типов памятников весьма отчетливо отражается в терминах, предложенных Е. В. Михайловским, который обозначает памятники-подлинники и символы как «непреднамеренные» и «преднамеренные» соответственно [8, с. 24]. Нам исключительно важно направление в развитии методологии, избранное А. М. Кулемзиным. Он обратил внимание на то, что два разных типа памятников с разной степенью достоверности транслируют целевой аудитории информацию. Непреднамеренные памятники представляют собой производное от объективной реальности: исторических событий, историко-политического

и культурного процессов, — в связи с чем содержат более объективную информацию, поэтому «знания, полученные чувственным путем, в результате непосредственного ощущения подлинных памятников, являются достоверными, истинными» [9, с. 43]. В противоположность им памятники, сознательно созданные для воздействия на целевую аудиторию, несут в себе заведомо субъективное информационное и чувственное содержание, «они создаются с преднамеренной целью привлечь к себе внимание и передать зрителю то отношение к изображаемому, которое вложил в него художник или заказчик символа... Они создаются с заданной, как правило, далекой от истины целью и не могут претендовать на роль исторической памяти, то есть выполнять функцию памятников в той части, чтобы утверждать в общественном сознании историческую истину» [9, с. 44—45].

Нам близко общее направление данной мысли, однако мы считаем необходимым акцентировать внимание на следующем уточнении: как преднамеренные, так и непреднамеренные памятники не лишены идеологического смысла. Содержательная сторона обоих видов памятников детерминирована рядом общественных факторов, а именно политическими и идеологическими закономерностями, как показала А. Н. Покровская. Здание храма — непреднамеренный памятник — может восприниматься и как символ религиозного мировоззрения, единства церкви и государства. В этом смысле любой памятник есть порождение определенных общественных отношений, отражение общественно-бытия посредством специфических художественных средств. Связующим звеном между бытием и содержанием памятника служит искусство. В частности, политическую направленность

(представляющую собой смыкание художественного и политического мировоззрения) и политическую организацию Покровская не без основания называет имманентными чертами социалистических памятников [10, с. 71]. Не отвергая политического компонента в природе памятников, мы тем не менее считаем, что их соотношение с политической сферой жизни общества не столь прямое, каким предстает в концепции Покровской.

Мы полагаем, памятники-подлинники и памятники-символы насыщены политико-идеологическим содержанием не в равной степени. Идеологическая сторона последних выражена более ярко, поэтому памятник-символ можно легко использовать в качестве инструмента пропаганды политической идеологии. Более того, иногда памятники-символы сознательно создаются в целях реализации пропагандистской функции. Как нам представляется, для дальнейшего выяснения содержания терминов «преднамеренный» и «непреднамеренный памятник» необходимо рассмотреть, как соотносятся понятия пропаганды и идеологии.

Политическая идеология — это теоретическая интерпретация всей системы общественных отношений с определенных политических позиций. Приобщение личности к идеологии, соответствующей политической системе государства, гражданином которого она является, происходит в среде, насыщенной памятниками культуры. Основным механизмом, с помощью которого они влияют на формирование политической идеологии, — создание идеала. Политическую идеологию многие исследователи сравнивают с особым типом верования, поскольку ее основу составляют убеждения и вера в социально-политический идеал. Каждая эпоха выдвигает свои общественные и политические

идеалы, преднамеренно или непреднамеренно «кодируемые» в памятниках культуры. Часто в содержании памятника-подлинника довольно явно выделяется именно политический компонент: политический идеал. Однако фиксация последнего — как правило, не основная причина создания такого памятника, и задача, решаемая его авторами, не сводится к этому. Соответственно, влияние на формирование политической идеологии личности и общества не является главной функцией памятника.

Политическая идеология опирается на определенный институт общества, с помощью которого она функционирует в массовом сознании, при этом основным инструментом внедрения ее в сознание индивидов и общества выступает пропаганда. Ряд идеологий, обслуживающих определенные социально-политические отношения, требуют, чтобы памятник преднамеренно «работал» на конкретные политические силы, пропагандировал одобряемые ими политические идеи и социальное поведение. В некоторых политических системах (особенно тоталитарного типа) памятники могут целенаправленно создаваться в качестве инструментов пропаганды. Памятники имеют рычаги воздействия на каждую отдельную личность, но преднамеренно-пропагандистский памятник рассчитан на массовость результата. В содержании такого памятника идеология выходит на первый план, становясь довлеющей силой, превращаясь в «проклятие общественной жизни, ибо она преобразует политику в отрасль теологии, принося людей в жертву на алтарь догмы» [11, с. 102].

Памятники-символы, как правило, в имманентно-содержательном плане более идеологизированы и политизированы, в силу чего и могут служить инструментом пропаганды идеологии. Однако стоит оговориться: идеологическое

содержание памятника-символа не свидетельствует с неизбежностью о его недостоверности и не снижает его исторической и культурной ценности. Кроме того, связь в одном памятнике преднамеренного и непреднамеренного, несомненно, может придавать ему особый статус, увеличивая возможности его эстетического и эмоционального воздействия.

Ценностный подход был и остается весьма перспективным в осмыслении понятия «памятник культуры». Утверждение этого подхода было связано с возрождением аксиологии в философских кругах, укреплением ее позиций в структуре отечественной философской науки, а также возрастанием интереса к проблеме культурных ценностей в международно-правовых документах.

В 1970-х гг. ценностная характеристика памятников наиболее подробно разрабатывалась в отношении памятников архитектуры. Архитекторы ([12; 13] и др.) и искусствоведы (см.: [14—16] и др.) стремились ответить на вопрос, в чем состоит содержание ценности памятников культуры. Наряду с историко-культурными выделялись материальная (Ю. И. Аренкова) и утилитарная (Е. В. Михайловский, А. С. Шенков) компоненты ценностей, что в итоге дало А. П. Сергееву все основания заключить: в науке, в ее современном состоянии, в понятие «культурная ценность» вкладывается самое различное содержание, что не способствует выработке оптимальных практических решений культуроохранных проблем [17]. В какой-то степени это объясняется многогранностью понятий «культура» и «ценности», обуславливающей разные стороны анализа их содержания. Однако с 1970-х гг. в науке непрерывно множились уровни и аспекты рассмотрения ценности памятников, разрабатывались различные варианты иерархии ценностей, делались

попытки представить разветвленную их структуру по отношению к памятникам культуры [18].

В философском отношении ценность есть то, что имеет значение, вес для человека или социальной группы [19, с. 335]. Наиболее продуктивным применительно к целям нашего исследования является аксиологический подход, в рамках которого ценности рассматриваются как объект, субъективно осмысленный, с точки зрения интересов человека (см.: [20, с. 176]). Синтезируя многие определения, можно в общих чертах принять, что ценность — это осознанная людьми значимость объектов окружающего мира, которая определяется их возможностью удовлетворить те или иные потребности людей. Наиболее инструментальной среди известных классификаций и типологий ценностей мы считаем разработанную В. П. Тугариновым. Он делит ценности на жизненные и культурные. Первые имеют природное происхождение, вторые создаются сообществом людей и в общих чертах представляют собой проявления материальной и духовной культуры, которые осознаются несколькими поколениями людей как значимые с точки зрения способности удовлетворять их потребности.

По мнению А. И. Чудинова, культурными ценностями следует признать любые произведения, являющиеся результатом творческого самовыражения человека в прошлом или настоящем, которые имеют большое значение для науки, истории и образования членов общества и способствуют развитию современной и будущей культуры.

Как отмечает Е. Ю. Егорова, под культурными ценностями следует понимать «формы синтеза материальных и духовных результатов человеческой деятельности, за которыми признано обществом историческое, научное, художественное или иное культурное

значение в силу их уникальности и способности выступать в качестве объединяющего начала для представителей народа одной страны, в том числе, между их различными поколениями» [21, с. 9].

Однако предложенное Тугариновым разделение ценностей при расширенной — философской — трактовке ценностей культуры ставит перед нами существенную проблему: далеко не все культурные ценности могут использоваться и охраняться социальными или политическими институтами. Так, *непосредственными* объектами эксплуатации и охраны невозможно сделать морально-нравственные, религиозные и иные ценности нематериального порядка.

В науке нет единого мнения о том, что именно в числе культурных ценностей может непосредственно эксплуатироваться социальными институтами и подлежит государственной охране. Мы причисляем себя к ученым, видящим путь прояснения методологических сумерек в разделении общеправовой и политико-правовой трактовки понятия «культурные ценности». При этом последняя должна быть неизбежно и значительно уже первой. В частности, мы согласны с утверждением Ф. Фехнера о том, что объектами правовой охраны и права культурной собственности могут быть только имеющие материальное воплощение [22]. Однако *политически и экономически эксплуатироваться, актуализироваться могут не только материальные, но и нематериальные ценности.*

Нам также близка позиция В. В. Братанова: «Культурные ценности... могут быть определены как особый вид материальных ценностей, способный в той или иной мере удовлетворить духовные и эстетические потребности человека и одновременно имеющий художественную, историческую, научную,

мемориальную или иную культурную значимость» [23, с. 8]. С ним во многом солидарны В. Г. Горбачев, В. Г. Растопчин и В. Н. Тищенко, принимающие данное им толкование с одним уточнением: «...в качестве культурных ценностей могут выступать как движимые, так и недвижимые объекты» [24, с. 106]. Однако уязвимой стороной таких определений неизбежно оказывается их открытость: употребление слов «и иную», «и т. д.» оставляет возможность для расширительной трактовки термина. Кроме того, они не раскрывают самой сути понятия и не связывают его с конкретно-исторической деятельностью людей.

Попытка выявить сущность культурной ценности через ее социальную роль зафиксирована в определении, данном А. П. Сергеевым: «Культурными ценностями являются особо охраняемые правом уникальные вещественные результаты человеческой деятельности, которые, будучи продуктом всеобщего труда, имеют важное историческое, научное, художественное или иное культурное значение для общества, т. е. служат связующим звеном между различными поколениями людей, носят конкретно-исторический характер и выступают как фактор формирования необходимых качеств человека» [25, с. 29]. Его автор выделяет следующие атрибутивные характеристики культурных ценностей:

1) это вещественные результаты всеобщего труда: через конкретное производство определенного предмета осуществляется связь между людьми, поколениями, институтами;

2) они обладают признаками всеобщности, внешним проявлением которого служит уникальность объектов;

3) осознание истинного значения объектов происходит со временем;

4) основная функция — формирование необходимого обществу типа личности [25, с. 52].

Однако сущность памятника культуры в концепции Сергеева предельно идеологизирована.

Разработка аксиологической теории памятников продолжается, причем аксиологическое понимание памятников культуры нашло отражение и в нормативно-правовых актах. Законом от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства РФ о культуре» культурные ценности определяются как «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [26, ст. 3]. В сущности, это определение не политико-правовое, а философское, оно характеризуется декларативностью и оставляет открытым вопрос о том, каким образом социальные и политические институты могут эксплуатировать и охранять нравственные и эстетические идеалы, диалекты и говоры.

Определение понятия «культурные ценности» содержится также в Законе РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»: это «движимые предметы материального мира, находящиеся на территории РФ», к которым можно причислить исторические ценности, предметы и их фрагменты, полученные в результате археологических раскопок, художественные ценности и др. [27, ст. 6—7].

Приведенная выше дефиниция фактически содержит только перечисление групп предметов, обладающих ценностью для государства. Такой подход оправдан назначением самого закона,

однако возникло противоречие между нормативными актами: «утилитарный» перечень, разработанный для Закона РФ «О вывозе...», не соответствовал предельно широкому толкованию культурных ценностей в «Основах законодательства РФ о культуре». Причем в принятых позднее нормативных актах законодатель ссылается не на это универсальное определение, а на Закон РФ «О вывозе...»¹.

Итак, нормативно-правовые акты не содержат определения, которое бы в ключе, близком аксиологическому подходу, раскрывало сущностные признаки ценностей культуры. С этой точки зрения, политическая практика эксплуатации и охраны культурных ценностей опирается на зыбкие правовые основания, часто обнаруживающие методологическую и аксиологическую пустоту, бесосновательность самой практики. В научной литературе, соответственно, справедливо отмечается, что определение исследуемого понятия через перечни бесперспективно в свете необходимости выработки общепринятого, универсального подхода к охранной деятельности (приводится по: [28, с. 23]).

Потребность во введении альтернативного термина для обозначения той группы культурных ценностей, которая может выступать в качестве объекта эксплуатации и охраны социальными институтами, возникла и была осмыслена еще в 1980-е гг. Тем не менее аксиологический подход к определению памятника культуры не утратил своей актуальности и продолжает разрабатываться. В различных определениях, как правило,

отражаются научная, художественная и историческая стороны ценности памятников. Именно эти ключевые ее компоненты чаще всего принимаются за основу при определении понятия памятника. Однако нельзя не признать справедливость замечания О. В. Галковой: «...в меняющихся общественных условиях памятники, как правило, утрачивают свою первоначальную значимость, могут быть истолкованы на новый лад в новых общественно-политических условиях» [7, с. 185], и это далеко не всегда отражается в научных дефинициях.

Таким образом, и перед учеными, и перед законодателями всегда стоял вопрос о правомерности и целесообразности использования термина «культурные ценности». Большинству теоретиков сегодня очевидно, что от этого термина не следует отказываться и потенциал его осмысления еще далеко не исчерпан.

Литература

1. Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов / Сост. Г. Г. Анисимов. М.: Советская Россия, 1973. 191 с.
2. *Мухеева И. В.* К проблеме формирования понятия «памятник истории и культуры» в законодательстве Российской Империи // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: [мат-лы науч.-метод. семинара, 11—16 сент. 2000 г.: в 2 т.] / Под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород: Нижегород. акад. МВД РФ: Ин-т «Открытое о-во» (Фонд Сороса — Россия), 2001. Т. 1. С. 528—535.
3. *Кирьянов И. А.* Классификация, принципы отбора и выявления памятников трудовой славы советского народа // Памятники трудовой славы советского народа: Тез. докл. к областной науч.-метод. конф. Горький, 1979. С. 5—7.
4. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О сохранении памятников древности в Крыму» от 4 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года: Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года / Под ред. М. М. Сперанского. Т. 38: 1822—1823. СПб., 1830. № 29105.
5. Закон СССР от 29.10.1976 «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 44. С. 628—629.

¹ См., например, ст. 3 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» и ст. 4 Федерального закона от 15.04.1998 № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации», содержащие отсылку к ст. 7 Закона РФ «О вывозе...».

6. Гражданский кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.
 7. **Галкова О. В.** Понятие «памятник культуры»: современные подходы к интерпретации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2. С. 182—187.
 8. **Михайловский Е. В.** Реставрация памятников архитектуры // Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации / Ред. и авт. предисл. Д. С. Лихачев. М.: Искусство, 1981. С. 15—42.
 9. **Кулемзин А. М.** Охрана памятников в России как историко-культурное явление: монография. Кемерово: Кемеровский обл. ин-т усовершенствования учителей, 2001. 328 с.
 10. **Покровская А. Н.** Идеологическая целостность социалистической художественной культуры // Социалистическая идеология и художественная культура: филос.-социол. аспекты / [Ред. Е. М. Бабосов]. М.: Наука и техника, 1979. С. 65—72.
 11. **Шлезингер А. М.** Циклы американской истории / Пер. с англ. П. А. Разина. М.: Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
 12. **Иконников А. В.** Старое и новое в системе города // Памятники архитектуры в структуре городов СССР / А. В. Иконников, Н. Ф. Гуляницкий, Е. В. Михайловский и др.; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1978. С. 7—43.
 13. **Щенков А. С.** Аспекты общественной ценности памятника // Современный облик памятников прошлого: историко-художественные проблемы реставрации памятников архитектуры / Под ред. А. С. Щенкова. М.: Стройиздат, 1983. С. 146—151.
 14. **Аренкова Ю. И.** За что мы ценим памятники архитектуры? // Охрана и реставрация памятников архитектуры. Опыт работы мастерской № 13. М.: Стройиздат, 1981. С. 38—40.
 15. **Михайловский Е. В.** Общественное значение памятников архитектуры // Теория и практика реставрационных работ: сб. 3. М.: Изд-во лит. по строительству, 1972. С. 3—13.
 16. **Михайловский Е. В.** Основы современного подхода к реставрации памятников культуры // Методика и практика сохранения памятников архитектуры / Под общ. ред. Е. В. Михайловского. М.: Стройиздат, 1974. С. 31—32.
 17. **Сергеев А. П.** Культурные ценности как правовая категория // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1990. № 4. С. 42—52.
 18. **Юркитас В. И.** Регенерация исторических центров городов Литвы (методологический опыт). Вильнюс: ЛитНИИТИ, 1981. 49 с.: 4 л. ил.
 19. **Рузавин Г. И.** Логика и аргументация. М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1997. 351 с.
 20. **Неновски Н.** Право и ценности / Пер [с болг.] В. М. Сафронова. М.: Прогресс, 1987. 246 с.
 21. **Егорова Е. Ю.** Государственно-правовая защита культурных ценностей: сравнительный анализ российского и французского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 26 с.
 22. **Fechner F.** The Fundamental Aims of Cultural Property Law // International Journal of Cultural Property. 1998. Vol. 7. № 2. P. 376—394.
 23. **Братанов В. В.** Хищение культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 30 с.
 24. **Горбачев В. Г., Растворчин В. Г., Тищенко В. Н.** Культурные ценности: понятие, порядок приобретения, хранения и обращения: справочное пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. 275 с.
 25. **Сергеев А. П.** Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 280 с.
 26. Основы законодательства РФ о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.
 27. Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 20. Ст. 718.
 28. **Богуславский М. М.** Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: Юристъ, 2005. 428 с.
- Растимешина Татьяна Владимировна** — доктор политических наук, профессор кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: rast-v2012@yandex.ru